

В.И. Герье

Лейбниц и его век

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В.И. Герье**
Лейбниц и его век / В.И. Герье – М.: Книга по Требованию, 2019. – 799 с.

ISBN 978-5-4241-8115-3

Didici in mathematicis ingenio,
in natura experimentis,
in legibus divinis humanisqui
auctoritate, in historia
testimoniis nitendum esse.
Leibniz

ISBN 978-5-4241-8115-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

опекунов, которые оба были уважаемыми богословами и профессорами в Лейпциге, в 23 года вышла замуж. У нее было двое детей: сын Готфрид и дочь Анна, которая впоследствии вышла замуж за пастора Симона Лёфлера и рано умерла.

Мы видим из этого, что Лейбниц по своему происхождению принадлежал к кругу тех профессорских и пасторских семейств, которые были представителями образования в протестантской Германии и которые придавали этому образованию, и вследствие этого всей жизни общества, строго протестантский характер, отличавший его в XVII в. и видоизменившийся под влиянием рационализма XVIII в.

Протестантизм XVII в. был не только известной формой вероисповедания, но силой, которая налагала свою печать на весь склад общества, проникала во все мелочи и подробности жизни и давала людям известного рода постоянное настроение. Протестантизм, поставивший в религиозной жизни на первый план веру, поддерживал этим известную степень экзальтации. Не находя себе пищи в скромной и однообразной жизни большинства людей, эта экзальтация обратилась на мелочи и породила ту наивность и фамильярность с божеством, которые особенно характеризуют протестантов XVI и XVII вв. Этой наивностью, которая видит во всех мелких случайностях жизни непосредственное действие Провидения, и этой фамильярностью с божеством, которая призывает его в свидетели и покровители самых простых и обыденных событий жизни, дышит и религиозная поэзия того времени — единственная отрасль литературы, в которой немцы XVII в. проявили оригинальность и некоторое творчество. Но эта поэзия была только выражением того, что постоянно высказывалось в ежедневной прозе жизни, и нередко с некоторым педантизмом.

До нас дошло мало сведений о домашней жизни родителей Лейбница и о событиях его раннего детства; но то, что мы знаем об этом, показывает нам, до какой степени вся обстановка, среди которой он вырос, была проникнута теплой верой и наивной религиозностью. Когда происходили крестины маленького Лейбница, крестными отцами которого были придворный проповедник курфюрста доктор Гейер и профессор юридического факультета Фриш, и когда пастор взял его на руки, чтобы облить водой, трехдневный ребенок, к удивлению всех, поднял голову и открыл глаза, и таким образом дал совершить над собой крещение. Это обстоятельство показалось отцу настолько замечательным, что он описал его в своей домашней хронике и приписал следующие сло-

ва: «Я того желаю, и пророчу, что это служит признаком веры и лучшим знамением того, что этот сын всю жизнь будет обращать свой взор к Богу, пламенеть любовью к нему и в этой любви совершит великое к славе Всевышнего, к пользе и процветанию христианской церкви и к своему и нашему спасению».

Другой факт подобного рода рассказан самим Лейбницем по воспоминаниям детства. В одно воскресенье мать его отправилась в церковь, отец же был болен и лежал в постели. Ребенок был еще не совсем одет и играл на скамье, которая стояла у стены. Перед скамьей стоял стол. Тётка ребенка хотела его одеть и подошла к нему, но он, убегая от тётки, вскочил на стол, оступился и упал со стола на пол. Отец и тётка вскрикнули. Но ребенок сидел на полу и смеялся, а расстояние, в котором он находился от стола, было больше, чем можно было бы ожидать от простого детского прыжка. Отец увидел в этом знак особенной милости Божией и тотчас послал в церковь, чтобы по обычаю, после обедни, там произнесли особенную благодарственную молитву. Об этом происшествии много говорили в городе. «Отец же мой, — говорит Лейбниц, — извлек из этого, и, не знаю, из каких еще других слов и предзнаменований, такие надежды относительно меня, что навлек на меня насмешки со стороны своих друзей».

Первоначальным воспитанием ребенка занимался его отец. Он рано выучил его читать и потом посредством частых рассказов и с помощью маленькой книжки старался внушить ему любовь к священной и мирской истории. Но это воспитание было рано прервано. Лейбницу было 6 лет, когда умер его отец, и мать вскоре после этого отдала ребенка в школу, пользовавшуюся особенной репутацией в Лейпциге.

Школьное образование в XVII в. находилось совершенно в том состоянии, в которое его поставила средневековая жизнь, и только к концу столетия было сделано несколько уступок потребностям Нового времени. В Средние века и еще в XVII в. могущественным двигателем и единственным средством образования было знакомство с древним, преимущественно римским, миром. Памятники этого мира изучались не ради их собственных достоинств, не для того, чтобы ввести изучающего их в идеи классического мира, но главным образом потому, что они служили источником для реальных познаний. В университетах того времени математика, астрономия, география, даже медицина и естественные науки, не говоря уже о науках юридических и философских, о логике, этике, метафизике, изучались на основании сочинений, оставшихся от древнего мира. Лекции читались в университетах на латинском языке

до конца XVII в., и только в этом веке научные сочинения стали появляться и на новых языках.

Нужно иметь это в виду, чтобы понять характер и направление школьного образования того времени. Школа везде служит подготовкой для целей высшего образования и руководствуется его требованиями. Для того чтобы получить это образование, нужно было знать латинский язык, и не только понимать его, но совершенно свободно владеть им как разговорным и литературным языком. Поэтому выучить школьников латинскому языку было главной целью школы. Передача реальных познаний стояла на заднем плане, и в отношении их требования были не очень высоки. Гораздо настоятельнее была необходимость приготовить учеников к слушанию лекций философских, которое предшествовало избранию специальных факультетов, богословского или юридического, а для этого нужно было заранее посвятить учеников во все тонкости логики и диалектики, тем более что диспуты были, наравне с лекциями профессоров, средством университетского преподавания.

Реформация не изменила этого характера школы. Реформаторы, правда, опираясь на Библию, требовали от мирян знакомства с ней и постоянного чтения ее, поэтому старались распространить в народе грамотность и должны были заботиться об устройстве протонародных школ, где учили читать по-немецки, но главная их забота все-таки была направлена на средние учебные заведения, т. е. на латинскую школу. Школьный устав, составленный Меланхтоном, был принят в основание при устройстве школ в лютеранской части Германии. По этому уставу занятия школы распределялись следующим образом. Из 26 уроков в неделю 2 урока назначались для закона Божия, 6 уроков на музыку, а 18 уроков для латинского языка. Греческий язык был введен только с 1850 г., по уставу курфюрста Августа, и только в двух старших классах. Мало-помалу в течение XVII в. стало усиливаться преподавание греческого языка в гимназиях северной Германии, но и тут преимущественно читались сочинения религиозного или педагогического содержания: Новый Завет, апокрифы, сочинения Плутарха о воспитании, и только в некоторых гимназиях принимались за Гомера и Демосфена. На латинском языке преподавались реальные предметы, и в каком виде! — как будто их преподавание имело целью только упражнять учеников в латинском языке. Иногда эта цель прямо выставлялась на вид. Даже катехизис иногда изучался на латинском языке, и виртембергский устав пренаивно советует прилежно изучать катехизис, «для того чтобы с Божией милостью

юношество достигло настоящего знания и навыка в латинском языке и благочестии» (Gottesfurcht). Кроме древних языков, в школах преподавали риторику, диалектику и музыку, кое-где арифметику, *doctrinam sphaericam*, т. е. объяснение небесного глобуса, физику по Аристотелю, этику. История была введена в большей части гимназий в XVIII столетии, и только в некоторых школах в конце XVI; зато в пресловутой саксонской школе в Пфорте история и география еще не были введены даже по уставу 1801 г. Даже математика в некоторых гимназиях была введена уже в XVIII в., а естественная история еще позднее.

Всего более характеризует школы XVII в. то, что в них не везде еще было введено преподавание отечественного языка. Латинские грамматики, с которых школьники начинали свое трудное поприще, были написаны на латинском языке в Дании еще до 1730 г.; еще более странным покажется то, что даже грамматики немецкого языка, которые были в употреблении в XVI и XVII вв., были составлены на латинском языке. Иногда прямо высказывалось, что преподавание немецкого языка нужно для того, чтобы с помощью немецкой грамматики подготовить детей к латинской грамматике.

Для оправдания этого факта, конечно, не следует забывать, что только в XVI в. образовался литературный, или книжный, немецкий язык, вытеснивший употребление наречий и сделавшийся общим языком нации. В основание этого общего языка лег перевод Библии, сделанный Лютером; и первая грамматика немецкого языка, принявшая в руководство язык Лютера, вышла в 1578 г. Вскоре после этого начались попытки заменить в преподавании латинский язык немецким. Во главе агитации в пользу немецкого языка стоял известный педагог XVII в. Ратихий, который в 1612 г. даже имперскому сейму во Франкфурте подал записку о своем методе. Но и Ратихий более имел в виду начинать обучение с немецкого языка, чем совершенно заменить им латинский. В продолжение всего XVII в. ученики были обязаны говорить между собой и с учителями на латинском языке даже во время отдыха, и за каждое немецкое слово их строго наказывали. Померанский устав еще в 1690 г. предписывает учителям говорить с учениками всегда по-латыни, ибо «употребление немецкого языка само по себе легкомысленно, а детям приносит вред и соблазн»¹. Так как за немецким языком в то время не признавали ни литературного, ни педаго-

¹ См. об этом вообще: *Raumer. Geschichte der Paedagogik; Tholuck. Das Aca-demische Leben im XVII Jahrh.*

гического значения, то естественно, что в школах на него обращали очень мало внимания. Достаточно было, если ученики умели читать и писать на своем родном языке; в некоторых гимназиях их учили орфографии и грамматике, но о слоге никто не заботился. Только в XVIII в. начали упражнять их сочинениями на немецком языке. Невыносимо дурной слог произведений немецкой литературы XVII и XVIII вв. был достаточным наказанием за это пренебрежение, оказанное ему в школе и в университете. С содержанием школьного преподавания стоял в тесной связи метод преподавания: он заключался в выучивании всего на память и в постоянном повторении выученного. Поэтому приемы, и со стороны учителя, и со стороны учеников, были чисто механические. Никто не заботился о том, чтобы преподавание было интересно для учеников или содействовало их развитию¹. Учителя диктовали уроки; выучив урок, ученики должны были повторить его наизусть: иногда один говорил урок, а остальные хором повторяли за ним, потом говорил другой; вопросов в разбивку не предлагали; каждый ученик должен был сказать весь урок. При объяснении писателей подвигались очень медленно. Каждая форма, каждая конструкция, как бы часто она ни повторялась, каждый раз тщательно объяснялась. Некоторые педагоги, правда, позволяли себе смелые выходки. Например, конректор Эйслебенской гимназии сказал в своем отчете в 1679 г., что «не следует кормить юношество шелухой; оно нуждается в *реальных* познаниях для речей, писем и университетских диспутов». Но что понималось тогда под реальными познаниями, видно из его же пояснений. Конректор говорит, что он долго останавливался на книге Цицерона «Об обязанностях» ради ее прекрасного нравственного содержания, причем занимался объяснением различных философских мнений, филологическим пояснением слога (*der Latinität*) и разбором риторических периодов ради *практической пользы* общих мест и подражаний (*der loci communes und imitationes*)². Один ростоцкий профессор приглашал своих слушателей заниматься изучением Энеиды ради

¹ *Ellendt. Geschichte des Königlichen Gymnasiums zu Eisleben. Eisleben, 1846. P. 310.*

² При чтении древних писателей, прозаиков и поэтов, равно как и при чтении Нового Завета, учитель останавливался на каждом месте, содержащем в себе какую-нибудь сентенцию, указывал на риторические фигуры и тропы и диктовал ученикам подражания и пояснения (*Amplificationen*) или заставлял их самих развивать и придумывать подражания. Оттого чтение писателей подвигалось чрезвычайно медленно (*Ellendt. Geschichte des Königlichen Gymnasiums zu Eisleben. P. 139*).

большой пользы, которую она приносит в красноречии, математике (*mathesi*) и медицине. Механизм и формализм в преподавании, казалось, могли бы быть вознаграждены уроками диалектики и частыми диспутами, которыми старались развить ум учеников и подготовить их к университетским диспутам. Ректор или учителя, а иногда пастор диспутировали, а ученики должны были оппонировать. Но уже из этого участия пасторов видно, что диспуты часто имели богословский характер. Так, диспутировали на тему: следует ли обоготворять плоть Христову вместе с Его божественностью (*cum ipsa deitate*)? Иногда темы были философские, но очень отвлеченные, например: погибнет мир по своей субстанции или по своей форме (*An mundus interiturus secundum substantiam, an secundum qualitatem*)?

Вследствие усиленного преподавания логики и вследствие частых диспутов ученики рано изощрялись в диалектических тонкостях, а некоторые еще на школьной скамье выступали на литературное поприще или вступали в полемику со своими учителями. Клоц, бывший впоследствии суперинтендентом*, в 14 лет написал логику на аристотелевских началах в оппозицию своему ректору, который придерживался методы Рамуса. Юнгий еще в гимназии объяснял своим товарищам диалектику Рамуса и издал свою *logica Hamburgensis*; тот же Юнгий поставил однажды в тупик своего ректора, задав ему следующий сорит: «Если нет времени, то нет и ночи; если нет ночи, тогда бывает день; если есть день, тогда есть и время, следовательно, если нет времени, тогда есть время». Только на другой день ректор был в состоянии выпутаться из затруднения. Механической методе преподавания и отсутствию в ней педагогических приемов соответствовала школьная дисциплина. Наказания в старших классах иногда состояли в денежных штрафах, но большей частью розги были главным воспитательным орудием. Несмотря на то что религия имела такое значение для того времени — то была эпоха религиозных войн, — она оказывала очень мало влияния на педагогию. Это происходило оттого, что и религиозная жизнь носила на себе печать механизма и педантизма, сковывавших общественную жизнь. Уроки из закона Божия были немногочисленны, два или три раза в неделю, но они состояли в механическом освоении немецкого, а потом латинского катехизиса; в старших же классах проходили учебник богословия, вмещавший все спорные вопросы тогдашней догматики. Религи-

* Суперинтендент (*лат.*) — сан старшего лютеранского пастора. — *Прим. ред.*

озное воспитание восполнялось частыми упражнениями в церковном пении, которые занимали от 4 до 6 часов в неделю, в каждом классе, и слушанием проповедей в церкви. Целое воскресенье было занято этим. Утром чтение Библии с пением и молитвой в школе, потом ранняя обедня, продолжавшаяся 2 1/2 часа; после обеда учеников снова водили слушать проповедь, которая опять продолжалась 2 часа. Дома старшие ученики должны были записать слышанную проповедь, а после этого им объясняли греческий текст Нового Завета. Вечером опять пение и молитва. Проповеди говорились в церквях не только по воскресеньям, но и среди недели. Излишество и принуждение, конечно, действовали вредно, тем более что проповедники вовсе не принимали в расчет потребностей и степени понимания детей, а наполняли проповеди догматическими тонкостями и полемическими выходками против кальвинистов и католиков.

При этих условиях главной опорой педагогов, конечно, должны были быть розги. Один хороший педагог XVII в. говорил о них, что «это скипетр отцовской власти, не перуны строгости, не преторианские *фасцы*, но символ материнского сердца, который ученики должны целовать и почитать как божество школы (als das numen scholasticum verehren)». Одному ректору гимназии был сделан выговор в полном собрании консистории за то, что он «не сек розгами в классе учеников старшего класса». Правда, исполнение этой обязанности было не всегда безопасно для учителей, и не в одном только Магдебурге случалось, что родители наказанных учеников нападали на учителей, как разбойники (*mörderlich*), вырывали им волосы и бороду и наносили им тяжкие побои.

Этой дисциплине соответствовали, впрочем, грубые нравы учеников. Везде случается, что ученики средних заведений подражают старшим, и особенно студентам. Так было и в XVII в., когда немецкое студенчество достигло крайних пределов грубости и дикости нравов. Сюда присоединилось пагубное влияние Тридцатилетней войны и всеобщее огрубение. Ученики носили запрещенное оружие, дрались между собой и с жителями, пьянствовали, играли в карты, брали приступом дома ненавистных им людей, врывались на свадьбы и крестины и пр. От времени Тридцатилетней войны сохранилось любопытное известие, что в Силезии между молодежью составилось общество, члены которого давали обещание не молиться, «воздерживаться от всякой чистоты и производить всякие скандалы».

Конечно, при политической раздробленности Германии и при отсутствии всякой централизации положение учебных заведений

представляло большое разнообразие, и трудно подвести его под общее правило. Но то, что мы сообщили о предметах гимназического курса, о методе преподавания и о педагогических приемах, относится ко всем учебным заведениям и достаточно характеризует состояние их в то время, когда Лейбниц начал свое воспитание.

Такая школа не могла удовлетворить ребенка, одаренного необыкновенными способностями и рано почувствовавшего сильную жажду знания. Восемилетний Лейбниц начал заниматься помимо школы. Он прочитывал все немецкие книги, которые попадали ему в руки, и с особенным удовольствием читал всякого рода истории. В том доме, где он жил, один студент заложил две латинские книги: то был Ливий и хронологический *Тезаурус* Сета Кальвизия. Маленький Лейбниц нашел их и не мог от них оторваться, хотя ничего еще не знал по-латыни. Историю Кальвизия он скоро стал понимать, потому что у него была немецкая книга о всеобщей истории, которая содержала почти то же самое, и он стал сличать обе книги. Ливий давался ему не так легко, но это было старое издание с картинками: ребенок рассматривал картинки, прочитывал то, что было подписано под ними, пропускал непонятное и перелистывал таким образом несколько раз всю книгу. Вскоре Лейбниц нашел, что многое стал лучше понимать, и тогда с удвоенным рвением принялся изучать книгу без помощи словаря. Однажды он проговорился в школе о том, что прочел у Ливия; учитель спросил его, откуда он это знает, и Лейбниц рассказал все, как было. Учитель отправился к родственникам Лейбница и просил их не позволять ребенку прерывать занятия неуместным и преждевременным чтением: «Ливий идет ему так же, как котурн пигмею. У него следует отнять эту книгу и посадить его за детские рассказы Комения¹ и сокращенный катехизис». К счастью для ребенка, об этом узнал один соседний дворянин, человек ученый, как говорит Лейбниц в своей заметке, и образовавший себя путешествиями. Он призвал ребенка, начал задавать ему разные вопросы и, удостоверившись в его способностях, убедил его родственников дать ему доступ к библиотеке его отца. Ребенок был в восторге; он горел желанием увидеть сочинения древних, которые до сих пор были

¹ Comenius (Komensky), уроженец Моравии (1592—1671), принадлежал к секте Моравской братии. Он сделался реформатором педагогики и приобрел особенную известность своим наглядным методом для обучения детей языкам. Им издана первая книжка с картинками для детей. Педагогические сочинения Комения были переведены почти на все языки, даже на сербский и персидский, а его самого приглашали в Англию, Швецию, Венгрию и другие страны для организации учебных заведений.

известны ему только по их именам: Цицерон и Квинтилиан, Сенека и Плиний, Геродот и Ксенофонт, Платон, писатели императорской истории, церковные отцы латинские и греческие — все они были теперь в его распоряжении; Лейбниц переходил от одного к другому и любовался разнообразием содержания. Целые дни проводил он в библиотеке, брался то за одну, то за другую книгу, пропускал трудное и углублялся в то, что ему казалось понятнее; таким образом полушутя и полусерьезно он упражнял себя и двенадцати лет знал латинский язык совершенно хорошо и кое-как греческий. Латинские стихи Лейбниц писал с особенной легкостью; однажды, чтобы выручить товарища, который должен был на акте произнести латинскую речь в стихах, он заперся в своей комнате и в полдня написал 300 латинских гекзаметров совершенно правильных. Ему было тогда тринадцать лет.

Впоследствии Лейбниц с удовольствием вспоминал о том времени, которое он посвящал знакомству с древними писателями. Он сравнивал себя с людьми, которые постоянно работают на солнце и от этого загорают. Подобно тому, говорит он, и классические писатели наложили на него свою печать; они имели влияние не только на способ его самовыражения, но и на склад его мысли. Когда Лейбниц перешел от них к модным современным писателям, сочинения которых были выставлены в книжных лавках, последние опротивели ему, как он выражается, своей высокопарной болтовней (*schwülstiger Schaum*), бедностью мысли, которая не производила ничего нового, а только «сшивала старые тряпки». «Без изящества, без силы, без пользы для жизни, эти сочинения, казалось, были писаны для особенного мира, который одни называли республикой ученых, другие — Парнасом, тогда как зрелые, великие и меткие мысли древних, вполне охватывающие предметы и выставляющие как на ладони смысл жизни, и ясный соответствующий делу способ их выражения возбуждают в душе совершенно другие движения». Из этой школы Лейбниц вынес аксиому, которая потом сделалась девизом всей его жизни, — «в словах искать ясности, а в делах пользы». Первое он называл основанием суждения, а второе — путем к открытию истины (*Erfindung*); он полагал, что большая часть заблуждений происходит оттого, что люди не вполне ясно понимают слова, употребляемые ими, и недостаточно анализируют их, или оттого, что они не умеют пользоваться известными истинами, не испытывают их вопросами, не сталкивают их между собой, чтобы таким образом дойти до открытия новых истин.

Так Лейбниц дошел до того класса, где начиналось преподавание логики. Знакомство с ней произвело переворот в его занятиях.

До сих пор он совершенно углублялся в чтение историков и поэтов, теперь с таким же увлечением стал изучать классификации понятий и идей и всматриваться в ход человеческой мысли. И в этом случае Лейбниц не удовольствовался тем, что мог узнать в школе, но самостоятельной работой своего юного ума удивил товарищей и учителей. Ему казалось, что в логике заключается ключ всех человеческих познаний, — с детским воображением он придумывал разные проекты о расширении познаний, которые потом сам называл химерами. Но многое из того, что занимало Лейбница на школьной скамье, не оставляло его потом целую жизнь. Его натура, склонная к априористическому мышлению, нашла себе полное удовлетворение в занятиях, которые другим кажутся сухими и бесплодными. В точном определении понятий и их логической классификации Лейбниц находил подспорье памяти. Он придумывал различные логические таблицы, чтобы с их помощью напасть на след какого-нибудь забытого факта или понятия. Лейбниц мечтал о том, чтобы с помощью этих таблиц приобрести искусство *выспрашивать людей и природу*, установить известные правила, которыми могли бы руководствоваться судьи при следствии, исповедники, путешественники, сталкивающиеся с новыми и замечательными людьми, от которых можно узнать много нового. Это искусство должно было служить не только к тому, чтобы выпытывать у людей новое и интересное, но и к тому, чтобы уметь наблюдать, выспрашивать природу, подвергать ее пытке¹, как выражался Лейбниц, и выманивать ее тайны. Такое умение наблюдать и выспрашивать природу совпадало для него, по его собственному пониманию, с искусством делать опыты (*ars experimentandi*), которое Бэкон развил с таким успехом.

В числе этих юношеских затей была одна, которой Лейбниц особенно дорожил в продолжение всей своей жизни и от которой ожидал удивительных результатов. Он считал возможным изобрести *азбуку* человеческих мыслей, т. е. подразделить все понятия и истины на группы, каждую из этих групп обозначить особым знаком, чтобы потом посредством сочетания и анализа этих знаков открывать новые истины и понятия. Впоследствии, когда Лейбниц познакомился с математикой, убеждение в возможности этого средства еще более усилилось в нем, и он намеревался изобрести *алгебру* человеческих понятий. Подобно тому как с помощью алгебраических формул математик доходит до новых выводов

¹ Die Natur gleichsam auf die Folterbank spannen (Как бы вздернуть природу на дыбу (нем.). — Прим. пер.).